

Сель друзей - 1996. - 1-7
 апр. - с. 32-33.

Я БЬЮ БУТЫЛКОЙ ПО БАШКЕ

У Натальи Медведевой, бывшей жены Эдуарда Лимонова, чудный голос и отвратительная интонация. Голос — сильный, свободный, низкий. Душераздирающий! А интонация — как у представителя секс-меньшинств. Она тянет слова, словно kota за хвост, или выпаливает залпом. С шепота срывается на крик, даже ор, с крика — на интимный шепоток.

Манекенщица, певица, писательница... Две минуты назад она открыла мне дверь и, покачиваясь на неправдоподобно длинных ногах, провела в однокомнатную квартиру, которую снимает на Красной Пресне со своим нынешним boy-friend — солистом группы «Коррозия металла» Сергеем Высоковским по прозвищу Боров. В этом году ей исполнится 37, из которых половина проведена за границей — в США и во Франции, куда она уехала чуть ли не со школьной скамьи «за новыми ощущениями, ситуациями, за новой собой». Она сочинила несколько романов, вышедших в России в вульгарных канареечных обложках, записала два компакт-диска, собрала эффектное портфолио фотомоделли.

Как сказано в аннотации к одной из ее книжек, она «использует в своей прозе современную лексику, что делает ее произведения живы-

ми и эмоционально убедительными». Она и в обыденной жизни любит «эмоционально убедительные» слова. По свидетельству Лимонова, у нее «три мужа и бесчисленные любовники».

— У вас, наверное, свое собственное представление о морали, о том, что позволено человеку, а что нет?

— В христианские заповеди я не верю. У меня есть свои заповеди, они очень суровые. Честность, например. Сегодня все такие че-е-естные и все это так изображается прекрасно, а на самом деле люди жуткие лгуны, вруны, извините меня, просто говно и педерасты! И никто не выполняет своих обещаний. А я очень честно обходилась с людьми. Я предлагала не какого-то kota в мешке, а очень серьезные и обоснованные вещи — записанное на листах бумаги, на кассетах. Пожалуйста, послушайте, почитайте. Да им не надо. «Это не коммерческое!» Так вот сегодня я имею право перейти к террористическим акциям! Просто подходить к этим людям и давать им по башке бутылкой. Или кирпичом.

— Кого вы имеете в виду?

— Людей, которые деньги дают! Вот захотели какие-то заниматься моей раскруткой. Это же ужас! Им все очень нравится, им всем очень интересно, но никоим образом они

не видят в этом коммерции! «А кто у вас спо-о-онсор?» Вы меня простите, это от вас должно быть какое-то начальное капиталовложение. Крути по радио все время, вот и будет коммерция! Я серьезно, правдиво собиралась что-то делать, предлагала, а что взамен? А мне фигу показывают!

— Почему вы говорите о себе в прошедшем времени: предлагала, делала?

— Да надоело мне уже предлагать! Сколько можно... Сейчас я буду только по башке всем лупить!

— Вы настолько скандальный человек?

— А давайте выясним, что такое скандал, прежде чем объявлять, что, к примеру, Лимонов — скандальный писатель. Или обо мне заголовок был в «МК» — «Скандалистка плюс Боров равняется хит сезона». У них еще никто такой рекламы не получал бесплатно! Я к слову «скандал» отношусь так, как относится нормальная публика. Говорят: «устроили скандал», то есть морду набили, подрались. Ну вот что, что сделала я скандального? Приведите мне пример!

— Демонстративно ушли с «Акулы пера». Говорят, это запрограммированная вами акция.

— Мне просто скучно там стало! Запись длилась полчаса, и все время мне говорили, что я такая-сякая-этакая, но ничего не подкреплялось ни цитатами, ни фактами... Слушайте, тот же Отар Кушанашвили, он меня назвал мультипликационным персонажем. Дайте мне хотя бы какой-то пример моей мультипликационности! Я с удовольствием выслушаю. Он же меня за день до записи встретил и говорит: все будет ужасно, зачем такая передача, эти люди не будут к ней готовы, они не прочли и трех страниц из вашей книжки. Он прочел! И что получается?! Что я — мультипликационный персонаж! Да он сам мультипликационный персонаж! «Ваша жизнь — игра!» Что-о-о? Моя жизнь — игра-а-а-а?! Пошли вы все... Я тут сижу, переживаю, вообще умираю. Для вас моя жизнь — игра? На х.. вас тогда всех!

— **Вы просили цитат. Пожалуй-ста! Из Лимонова. «Укрощение тигра в Париже»:** «Она нуждается в добром целом часе, чтобы отойти от своих ночных кошмаров, не менее густых, чем этот дым. Во сне она скрипит зубами, смеется, вдруг вскрикивает: «Так я тебе и рассказала!» — и скрипит зубами опять. Может, она шпионка?» **Вы шпионка, Наталья Георгиевна?**

— Может быть, у меня с Лимоновым такие кошмары были...

— **В Театре имени Гоголя, как вы знаете, идет спектакль «Там вдали, за бугром...», где главный персонаж — писатель Апельсинов — списан с вашего бывшего мужа...**

— Мы ходили с Эдуардом. Помню, очень много смеялись: вот так мы выглядим со стороны... На самом деле все очень грустно...

— **Грустно — что?**

— Оглядываться назад. Сколько я нахожусь здесь, столько занимаюсь реализацией прошлого. Все книги и диски — результат того, что было сделано где-то когда-то... Сейчас я связала свою жизнь с человеком, который весь в музыке. Мы даже песню вместе написали. Представляете себе — солист «Коррозии металла» написал совершенно другую музыку! Но это тоже нигде нельзя реализовать!

— **Разговор почему-то все время вертится вокруг и около денег. Разве, когда вы жили с Лимоновым, вам их хватало?**

— Когда мы жили в Париже, все было стабильно: он продавал рукопись, ему давали аванс, сразу появлялась крупная сумма, можно было рассчитывать вперед. А здесь нельзя так сделать, я вот пытаюсь продать рукопись и не получается, надо расхотеть себя на какие-то мелкие публикации: тут двести долларов, там триста. Башка вся забита: надо этим успеть и тем успеть. Кошмар! И получается, что времени ни на что больше не остается.

— **Даже на стихи?**

— Стихи я всегда писала исключительно по настроению. Никогда не считала себя поэтом. Я дилетант. И безумно благодарна издательству «Искусство», которое выпустило мой сборничек. Это что-то потрясающее. Но почему они его нигде не продают и не рекламируют? Это же позор и балбесство с их стороны! Нужно, чтобы ваше интервью привлекло людей. Деньгодателей! Иначе мы тут просто загибаемся.

— **Говорят, Медведева — злая?**

— А что такое добро? Могу я вас спросить? Зло ярче, драматичнее, в нем есть безумство. А что такое добро — му-му-му.

— **Но вы — злой человек?**

— Не знаю. Как я могу о себе сказать?! Можно я приглашу своего приятеля?

Из кухни появляется Сергей по прозвищу Боров. Он похож на витязя из русских сказок:

— Наталья не злой человек. Она живой человек. Злость — понятие относительное, если человеку делают больно, шило в бок, какая у него реакция?! Она активно реагирует, а

многими это воспринимается как злорада.

— **Лимонов назвал ее диким животным, «тигром», а с каким зверем сравнили бы ее вы?**

Сергей: Наталья больше похожа на пантеру.

Медведева: Но все равно что-то кошачье. Мяу-мяу.

— **Вам тяжело с такой эксцентричной особой?**

Сергей: Я не могу сказать, что мне тяжело. На самом деле мы очень спокойные люди. Не дикие, не первобытные.

Сергей опять уходит на кухню, он варит суп. А пока мы с ним говорили, там успела побывать хозяйка. Вернулась, попахивая пивом.

— **Я читал, у певицы Натальи «неумеренно пылкая любовь к вину». Простите, вы часто...**

— Постоянно. Вообще алкоголь — это ужасно. Когда в него влезешь, невозможно вылезти. Нужна сила воли или, как Сократ еще говорил, — согласишься с самим собой, не придуришься.

— **Это ваша любимая цитата?**

— Нет. Любимых цитат у меня нет, есть любимые писатели. Например, я очень люблю писателя Лимонова, а поэт он вообще великолепный. А как я любила Гумилева... Я Сереже все время его дарю. А

Бодлер?! «О женщина, о тварь, как ты от скуки зла, что зубы упражнять...» Это потрясающе! В Париже, я помню, ходили с Эдуардом на эту набережную, где жил Бодлер, к дому, где он умер. Стоишь так и смотришь. Очень красиво... Я безумно люблю Эдуарда Лимонова!

— **Как писателя?**

— И как человека.

— **Он прав, утверждая, что ваш символ — вослицательный знак?**

— Многогочие. Женщина — это многогочие. Эдуард Лимонов не понимает женщину. Мне кажется, женщина не может существовать без мужчины. Она должна следовать мужскому зову, мужской песне. Когда нет этого зова, тогда и женщины нет.

— **А у вас нет мысли «жить и умереть в Париже»?**

— Зачем? Все равно я буду одинока. У меня будет тайное одиночество. «Ваша жизнь — игра!» Ни черта! У меня очень трагедийная жизнь. У всех, кто уехал из России, а потом вернулся, она такая. Получается, там не нашел ничего, и сюда приехал — все ужасно, не то, не так. Чужбина не стала родиной, а родина стала чужой. Только, плюс ко всему, я это ощущаю на себе...

Влад ВАСЮХИН
Фото Сергея Петрухина

